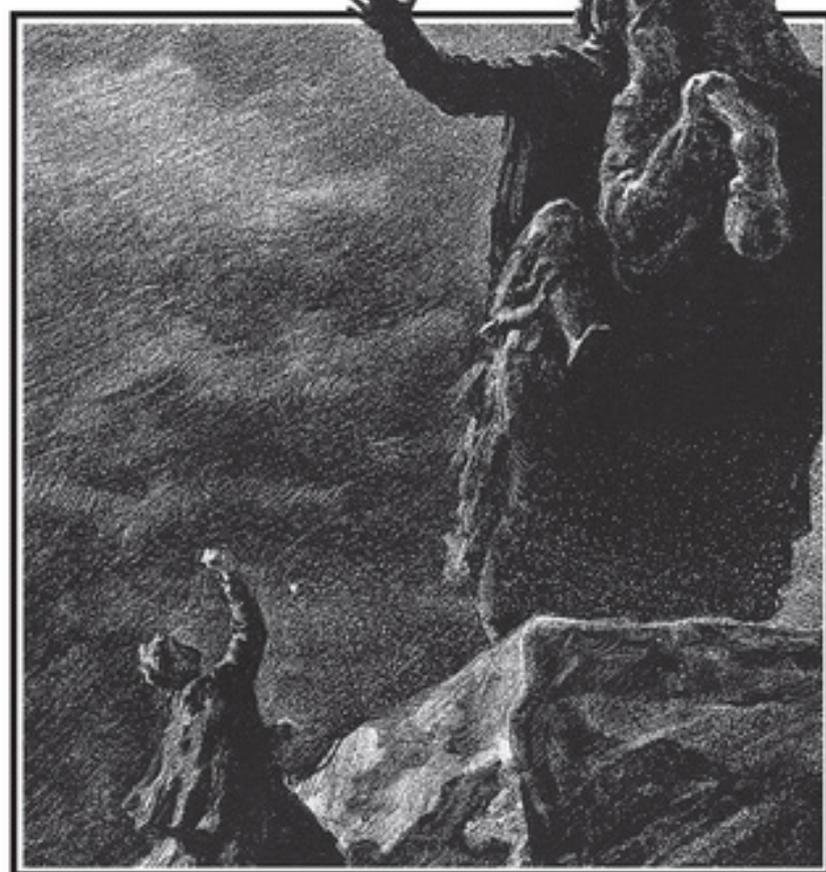

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Игорь Немировский

ПУШКИН —
ЛИБЕРТЕН
И ПРОРОК

Опыт реконструкции публичной биографии

Игорь Немировский

**Пушкин – либертен и
пророк: Опыт реконструкции
публичной биографии**

«НЛО»

2018

УДК 71.04
ББК 930.85

Немировский И.

Пушкин – либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии / И. Немировский — «НЛО», 2018

ISBN 978-5-4448-0879-5

Автор рассматривает произведения А. С. Пушкина как проявления двух противоположных тенденций: либертинажной, направленной на десакрализацию и профанирование существовавших в его время социальных и конфессиональных норм, и профетической, ориентированной на сакрализацию роли поэта как собеседника царя. Одной из главных тем являются отношения Пушкина с обоими царями: императором Александром, которому Пушкин-либертен «подсвистывал до самого гроба», и императором Николаем, адресатом «свободной хвалы» Пушкина-пророка. Важной составляющей исследования является анализ публичного поведения поэта, понимаемого здесь как самоценный продукт пушкинского творчества. Автор показывает, как публичное поведение Пушкина становится тем образом, по которому современники судили о поэте и который формировал его социальную репутацию. Заключительные главы посвящены рецепции Пушкина шестидесятниками и Ф. М. Достоевским, который, вслед за Гоголем, объявил Пушкина пророком.

УДК 71.04
ББК 930.85

ISBN 978-5-4448-0879-5

© Немировский И., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

От автора	7
Как пушкин стал пророком	9
Либералисты и либертены: случай Пушкина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Игорь Немировский

Пушкин – либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии

© И. Немировский, 2018, © ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Купе

От автора

Главы этой книги, за исключением последней, первоначально публиковались в виде следующих статей:

Как Пушкин стал пророком (Из истории ранних пушкинских биографий) // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. <http://www.nlobooks.ru/node/7575>

О счастье в личной жизни (Карамзинский подтекст в стихотворении «Из Пиндемонти») // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. <http://www.nlobooks.ru/node/6587>

Зачем был написан «Медный всадник» // Новое литературное обозрение. 2014. № 2. <http://www.nlobooks.ru/node/4836>

Либералисты и либертены: случай Пушкина // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. <http://www.nlobooks.ru/node/1010>

О еще одном источнике пушкинского «Каменного гостя» // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea / Ed. by Alexander Dolinin, Lazar Fleishman and Leonid Livak. Stanford, CA: Stanford Slavic Studies, 2008. P. 211 – 223.*

Об одной пушкинской мистификации // *Word, Music, History: A Festschrift for Caryl Emerson. Stanford, CA: Stanford Slavic Studies, 2005. Vol. 1. P. 110 – 120.*

Образ Петра Великого у Байрона // *Образ Петербурга в мировой культуре: материалы междунар. конференции. СПб.: Наука, 2003. С. 131 – 136.*

Опрометчивый оптимизм: Историко-биографический фон стихотворения «Стансы» // *Пушкин: исследования и материалы. Т. XVI/ XVII. СПб.: Наука, 2004. С. 148 – 167.*

Два «воображаемых разговора» Пушкина // *Лотмановский сборник. Т. 4. М.: ОГИ, 2004. С. 187 – 195.*

Исторический фон послания Пушкина В. Л. Давыдову (1821) // *Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003. С. 45 – 73.*

О пророке и «Пророке» // *Русская литература. 2001. № 3. С. 3 – 20.*

Смывая «печальные строки» // *Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. Вып. 3 (42). СПб.: Академический проект, 2002. С. 58 – 79.*

Идейная проблематика стихотворения Пушкина «Кинжал» // *Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 195 – 204.*

Декабрист или сервилист? Биографический контекст стихотворения «Арион» // *Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. С. 174 – 191.*

Статья А. С. Пушкина «Александр Радищев» и общественная борьба 1801 – 1802 годов // *XVIII век. СПб., 1991. С. 123 – 134.*

Благодарю за помощь и ценные советы А. Е. Барзаха, А. А. Долинина, Давида Бетеа, Алиссу Дейнега Гилеспи, Марка Липовецкого, Билла Тодда, В. Ю. Проскурину, О. А. Проскурина.

Моя особая благодарность библиографам Пушкинского кабинета ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Любови Тимофеевой и Юлии Сорокиной.

Отдельное спасибо моим редакторам – Ольге Абрамович, Дмитрию Харитонову, Татьяне Тимаковой, Татьяне Вайзер.

Благодарю Русский центр Гарвардского университета (Davis Center for Russian and Euroasian Studies) за возможность работать в его стенах.

Огромное спасибо И. Д. Прохоровой за интерес к моей исследовательской работе.

Как пушкин стал пророком

(Из истории ранних пушкинских биографий)

I

Представляя свой труд «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (1855) министру просвещения и главе цензурного ведомства А. С. Норову, П. В. Анненков заверял его, что «цель биографии также заключается и в том, чтоб указать примерное религиозное и нравственное направление Пушкина во второй половине его жизни»¹. Анненков знал, кого и в чем он заверял: министр просвещения, Авраам Сергеевич Норов (1795 – 1869), относился к числу знакомых Пушкина и известен в биографии поэта тем, что собственноручно сжег рукопись «Гавриилиады»².

Разделяя жизнь поэта на две половины, из которых памяти достойна только одна, вторая, Анненков следовал мнению, распространенному среди современников. «Благородное» желание скрыть «неприличное» побуждало знакомых поэта с удовольствием вспоминать о том, как они, во благо его доброго имени, уничтожали его произведения: Норов – «Гавриилиаду», А. М. Горчаков – «Монаха»³.

С. А. Соболевский, получив «Материалы к биографии Пушкина», писал М. Н. Лонгинову:

Благодарю Анненкова «...» за то, что он не восхищается эпиграммами Пушкина, приписывает их слабости, сродной со всем человеческим, и признает их пятнами его литературной славы...⁴ Что он ни слова не упоминает о Гавриилиаде...⁵

Представление о том, что жизнь Пушкина делится на две неравные по значению половины, было в значительной степени отражением официального взгляда на Пушкина, состоявшего в том, что после встречи с императором Николаем 8 сентября 1826 года Пушкин совершенно переменился и стал «иным»⁶. Но, конечно, концепция Анненкова о двух поло-

¹ Цит. по: Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Пушкин и его современники. М.: Книжный клуб Книговек, 2015. С. 477.

² «Июнь 16. Опять был у меня Норов. «...» Вчера он, между прочим, рассказал мне следующий анекдот об А. С. Пушкине. Норов встретился с ним за год или за полтора до его женитьбы. Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина «В. И.» Туманский. Он обратился к поэту и сказал ему: “Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе он при мне сжег твою рукописную поэму”. Дело в том, что Туманский дал Норову прочесть в рукописи известную непристойную поэму Пушкина. В комнате тогда топился камин, и Норов по прочтении пьесы тут же бросил ее в огонь. “Нет, – сказал Пушкин, – я этого не знал, а узнав теперь, вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такой гадостью, как моя неизданная поэма, настоящий мой враг”» (Никитенко А. В. Дневник: [В 3 т.] М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. С. 523).

³ Горчаков А. М. О Пушкине (Из письма А. И. Урусова к издателю «Русского архива») // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп.: [В 2 т.] СПб.: Академический проект, 1998. Т. 1. С. 378. (Далее при ссылках на это издание: Пушкин в воспоминаниях современников, с указанием тома и страницы.)

⁴ C'est le premier biographe qui ait osé dire cela de son héros, que je sache. – *Добавление Соболевского*. Перевод: Это первый биограф из тех, кого я знаю, который посмел сказать подобное о своем герое (франц.).

⁵ Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31 – 32. С. 37 – 39.

⁶ См.: Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 1. С. 11, 21; Майков Л. Пушкин в изображении М. А. Корфа // Русская старина. 1899. Август. С. 310.

винах жизни Пушкина не была простым следствием его желания соответствовать официальному курсу. Об этом свидетельствует то, что «первый пушкинист» развивал ее не только в официальной переписке с министром просвещения, но и в письмах к друзьям:

только... Пушкин... который признан единогласно воспитателем русского общества, мощным агентом его развития и объяснителем духовных сил, присущих народу, только этот нам и нужен, а о его двойнике нам достаточно общей характеристики⁷.

Хотя Анненков, по-видимому, искренне считал только вторую половину жизни Пушкина вместилищем «примерного религиозного и нравственного направления», представляющим большую ценность для осознания, чем первая, исполненная страстей, ошибок, политического, религиозного и эротического вольномыслия, биограф не следовал этому принципу в своей научной практике. Последовательно и планомерно он изучал и описывал первую половину жизни поэта по крайней мере с не меньшим тщанием, чем вторую. При этом он прилагал все возможные усилия для того, чтобы, несмотря на суровые цензурные ограничения последних лет николаевского царствования, сделать доступной читателю как можно больше информации. Он, естественно, не мог прямо упоминать о связях Пушкина с декабристами, но при этом умудрился процитировать письмо Пушкина брату Льву, где имена А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, скрытые под криптонимами Б и Р, прочитываются совершенно ясно, поскольку указывается, что они были соиздателями альманаха «Полярная звезда»⁸.

Не имея возможности рассказать о «Зеленой лампе», Анненков приводит сюжет, связанный с ее хозяином Н. В. Всеволожским⁹, и цитирует стихотворное послание из письма Пушкина к Якову Толстому («Горишь ли ты, лампада наша», II, 264). Стихотворение приведено почти полностью – за вычетом следующих строк:

Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство (II, 264).

При этом в ходе работы над книгой у Анненкова складывается концепция духовного развития Пушкина, объясняющая причины резкого перехода поэта от одной половины жизни к другой. По мысли ученого, перелом в мировоззрении поэта произошел в Михайловском, существенно раньше встречи с царем, когда с помощью инъекции национального самосознания Пушкин вылечился от модных французской и английской болезней и стал – во второй половине жизни – выразителем русского духа¹⁰.

Разделение пушкинского творчества на европоцентристский и национально ориентированный этапы – общее место в оценках Пушкина, начиная с со статьи И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина»¹¹. При этом большинство критиков сходилось на том, что переломным моментом в развитии поэта стал «Борис Годунов», написанный в Михай-

⁷ Анненков П. В. К истории работ над Пушкиным // П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835 – 1885 годов. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1892. С. 441.

⁸ Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина. М.: Современник, 1984. С. 224.

⁹ Там же. С. 181 – 182.

¹⁰ Там же. С. 121 – 123.

¹¹ Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений: [В 4 т.] Т. 2. С. 7 – 21.

ловском в 1824 году. Так что в отношении того, что Пушкин двигался сначала от французского, а потом английского влияния в сторону национального, концепция Анненкова не была оригинальной. Но он был первый, кто заговорил не просто об этапах творчества, а о двух половинах жизни и о том, что в Михайловском произошел не просто поворот в творчестве, а «нравственное перерождение» Пушкина; именно такой подзаголовок имеет важнейшая из глав его «Материалов» (девятая): «Михайловское. 1824 – 1826 г.: *Прибытие в Михайловское, нравственное перерождение*»¹².

При этом нигде в своей книге Анненков не упоминает о пушкинском «Пророке». Это известнейшее из пушкинских произведений было опубликовано при жизни поэта, и, следовательно, на упоминание о нем не было цензурных ограничений. Отсутствие упоминания о «Пророке» примечательно, потому что именно это стихотворение современники считали поворотным в духовном развитии Пушкина. Адам Мицкевич объявил «Пророк» «началом новой эры в жизни Пушкина» в своих известнейших и оказавших колоссальное влияние на русскую культуру лекциях по славянской литературе, прочитанных в Париже в Collège de France в 1840 – 1842 годах¹³. Характеризуя творческую историю стихотворения «Пророк», Мицкевич сказал следующее:

Это – начало новой эры в жизни Пушкина, но у него не достало сил осуществить это предчувствие, ему не хватило духа устроить свою домашнюю жизнь и свои литературные труды в соответствии с этими высокими идеями; пьеса, о которой мы говорим, среди его произведений занимает совершенно особое, поистине высокое место, и никто не знает истории ее создания. Он написал ее после раскрытия заговора 1825 года. Особое состояние, в котором он написал эту пьесу, продлилось всего несколько дней, а потом началось моральное падение поэта¹⁴.

Известно, что, хотя Анненков посетил лишь некоторые из лекций Мицкевича¹⁵, ему мог быть доступен их полный текст в конспектах А. И. Тургенева, который посетил их все¹⁶. О знакомстве Анненкова с мессианскими идеями Мицкевича свидетельствует скептическая оценка этих идей, данная им на страницах его воспоминаний «Замечательное десятилетие. 1838 – 1848»¹⁷. Можно поэтому определенно утверждать, что оценка «Пророка», данная Мицкевичем, была известна Анненкову, и отсутствие упоминания об этом стихотворении в его книге являлось значимым для осведомленного читателя.

Возможно, Анненков просто не разделял мнение Мицкевича о том, что «особое состояние», которого потребовало написание стихотворения, «продлилось всего несколько дней, а потом началось моральное падение». Еще более вероятно, что, не упоминая вовсе о стихотворении «Пророк», Анненков выражал несогласие с официальной биографической леген-

¹² Анненков П. В. А. С. Пушкин: Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 123.

¹³ Дюпарт Б. Высказывания Мицкевича о Пушкине // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М.: Наука, 2007. С. 88 – 100; Ларионова Е. О. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; ИД «Петрополис», 2010. С. 184 – 205; Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: Современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. № 2. С. 27 – 42.

¹⁴ Цит. русский перевод по: Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: Современные проблемы изучения. С. 28 – 29.

¹⁵ Анненков П. В. Письма из-за границы // Анненков П. В. Парижские письма. М.: Наука, 1983. С. 617. Примеч. 23.

¹⁶ См.: Письмо А. И. Тургенева к К. С. Сербиновичу от 21 апреля 1842 года // Русская старина. 1882. Т. 34. № 4. С. 193; Ларионова Е. О. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма. С. 205. О тесном общении Анненкова и А. И. Тургенева в это время в Париже см.: «Я здесь достал у А. И. Тургенева последние три тома Пушкина» (Анненков П. В. Письма из-за границы. С. 58) или «Я был у Рекамье на концерте (все это Александр Иванович Тургенев хранительно напутствует мне)» (Там же. С. 60).

¹⁷ См.: Анненков П. В. Литературные воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. П. Дорофеева. М.: ГИХЛ, 1960. С. 311.

дой о Пушкине, связавшей создание стихотворения с аудиенцией у Николая I¹⁸. О нежелании Анненкова повторять официальную версию говорит и отсутствие в его труде каких-либо подробностей возвращения Пушкина из Михайловской ссылки в Москву и встречи поэта с императором. Этому ключевому и действительно поворотному в жизни Пушкина событию Анненков посвящает всего одну фразу:

Тотчас по прибытии в Москву, Пушкин имел счастье быть представлен государю императору. Скажем здесь, что впоследствии, во всех случаях жизни своей, Пушкин вспоминал о наставлениях, преподанных ему в это время отеческою снисходительностью монарха, не иначе как с чувством благоговения и умилением¹⁹.

Не упоминая о стихотворении «Пророк», Анненков не касается также и других деталей, составивших богатейшую тему «Пушкин как пророк», поскольку идея пророческого дара Пушкина, питаемого общением с императором, была Анненкову глубоко чужда. Выразить же свое несогласие иначе как просто не упомянув о «Пророке» и пророчестве Анненков не мог.

Такое умолчание указывает на несогласие Анненкова не только с той версией официальной биографической легенды об особых отношениях Пушкина с царем, которая сложилась сразу после смерти поэта (более всего в письме Жуковского С. Л. Пушкину)²⁰, но и с поздним ее развитием, выраженным Гоголем в его знаменитой статье «О лиризме наших поэтов» (1845); она впоследствии вошла в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1852).

Определение «лиризма», данное Гоголем, не оставляет сомнений в том, что под «лиризмом» писатель имеет в виду профетизм:

...в лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости²¹.

По мнению Гоголя, поэтами, воплощавшими «высшее состояние лиризма», были Ломоносов, Державин и Пушкин. Из произведений Пушкина, отражающих это «высшее состояние», Гоголь указывает на стихотворение «Пророк».

В качестве родовых черт русского профетизма Гоголь назвал, во-первых, любовь к России, к ее особому пути, и, во-вторых, любовь к царю²². При этом Гоголь сравнивает «лиризм наших поэтов» с «библейским», имея в виду еврейских пророков, говоривших об особой миссии сынов Израиля и бывших при этом собеседниками и советчиками царей. Именно личные взаимоотношения русских поэтов с монархами, по мнению Гоголя, и делали из поэта пророка – и поэтому особое внимание Гоголь уделяет взаимоотношениям Пушкина с императором Николаем I. Не случайно статья о «Лиризме наших поэтов» была написана в форме письма Жуковскому, главному создателю биографической легенды об особом характере отношений Пушкина с царем²³.

¹⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. II. С. 437.

¹⁹ Анненков П. В. А. С. Пушкин: Материалы... С. 169.

²⁰ Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года // Пушкин в воспоминаниях современников.

²¹ Гоголь Н. В. О лиризме наших поэтов: (Письмо к В. А. Ж...му) // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); [М.; Л.:] Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. С. 248.

²² См.: Там же. С. 250 – 251.

²³ Об этом: Сайтанов В. А. Прощание с царем // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин. комис. Вып. 20. Л.: Наука, 1986. С. 36 – 47.

В отличие от Анненкова, который предпочел не упоминать суждения Мицкевича о профетизме Пушкина, Гоголь сочувственно цитирует лекции Мицкевича:

Царственные гимны наших поэтов изумляли самих чужеземцев своим величественным складом и слогом. Еще недавно Мицкевич сказал об этом на лекциях Парижу, и сказал в такое время, когда и сам он был раздражен противу нас, и всё в Париже на нас негодовало. Несмотря, однако ж, на то, он объявил торжественно, что в одах и гимнах наших поэтов ничего нет рабского или низкого, но, напротив, что-то свободно-величественное: и тут же, хотя это не понравилось никому из земляков его, отдал честь благородству характеров наших писателей. Мицкевич прав²⁴.

Гоголь сам на лекции Мицкевича не ходил, но мог знать о суждениях Мицкевича на тему профетизма вообще и пушкинского в частности из многих источников, в том числе от Анненкова, с которым в это время его связывала близкая дружба, а также и от самого Мицкевича²⁵. Впрочем, вложенные Гоголем в уста Мицкевича слова не свидетельствуют о действительном знакомстве с лекциями Мицкевича; они лишь указывают на огромную популярность этих лекций в русской культурной среде.

Последующее духовное развитие Гоголя привело к ослаблению его дружбы с Анненковым: тот не принял и осудил «Выбранные места из переписки с друзьями». По его признанию, он был «нравственным участником» создания критического письма Белинского Гоголю, написанного из Зальцбрунна в 1847 году²⁶.

Важнейшим пунктом этого письма было осуждение Гоголя, в частности за то, что он считал апологетизацию монарха частью профетического служения. Белинский отвечал на это:

Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками <...> Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух – он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот: постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы его наградить за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества²⁷.

Очень похоже, что прямо не названный Белинским «человек (даже порядочный)» – это Пушкин. Приведенное выше соображение Белинского содержит скрытую цитату из послания «Энгельгардту» (1819) с характерным для пушкинской поэзии домихайловского периода противопоставлением «небесного» и «земного царя (бога)»:

Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

²⁴ Гоголь Н. В. О лиризме наших поэтов. С. 259.

²⁵ См.: Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 666, 667.

²⁶ Анненков П. В. Две зимы в провинции и деревне // Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 531 – 532.

²⁷ Письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю от 15/3 июля 1847 года // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] Т. 8. [Приложение] II. С. 504 – 505.

(Энгельгардту, 1819. – II, 84)

Это стихотворение при жизни Пушкина было опубликовано без последних четырнадцати строк, в том числе без приведенных выше пяти, завершающих стихотворение (II, 1050). Анненков напечатал концовку под заглавием «Выпущенный конец послания к Энгельгардту» (1857) без последних двух строк по имеющемуся у него списку (не думаю, что по автографу), естественно, содержащему эти строки (см. там же). Белинскому они могли быть известны как через Анненкова, так и без его посредства, поскольку стихотворение имело хождение во многих списках (см. там же).

В подтексте приведенного выше отрывка из письма Белинского содержится еще одна цитата из пушкинского стихотворения, опубликованного в тот же год, что и послание «Энгельгардту», и имевшего в прижизненной публикации заглавие «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее Императорского Величества Государыни Елизаветы Алексеевны» (1819):

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.

(К Н. Я. Плюсковой. – II, 65)

Из сравнения текстов Белинского и «Ответ на вызов» Пушкина видно, что используемый Белинским мотив «подкурения... земному богу» является перифразой пушкинских строк.

Представляется, что, и приводя в качестве примера ситуацию, в которой «земной царь... и хотел бы его наградить за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества», Белинский имеет в виду эпизод из пушкинской биографии, а именно реакцию Николая I на представленное ему стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю», 1828). Жандармская копия стихотворения содержит резолюцию императора «Можно распространять, но нельзя печатать» (ориг. по-французски. – III, 1154). Так и произошло. Стихотворение широко разошлось во многих списках и вызвало негативную реакцию русского общества²⁸.

Можно догадаться и о том, какие именно стихотворения Белинский имел в виду, утверждая в письме Гоголю, что Пушкину «стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения... чтобы вдруг лишиться народной любви»²⁹. Два стихотворения из трех – это почти наверняка «Друзьям» и «Стансы» (1826), более верноподданнических стихотворений в пушкинском репертуаре нет. Трудно удержаться от предположения, что третьим стихотворением, «лишившим Пушкина народной любви», было стихотворение «Пророк», опубликованное в «Московском вестнике» почти одновременно со «Стансами». Стихотворение «Друзьям» открывается цитатой из 138 Псалма («Нет лести в языке моем») и включает самоопределение Пушкина как «Небом избранного певца».

Примечательно, что антипрофетический пассаж Белинского имеет в своем подтексте стихотворения «Энгельгардту» и «Ответ на вызов написать стихи...», относящиеся к одному тому же периоду в жизни Пушкина, между 1818 годом и весной 1820 года. Это было время активного общения поэта с членами оргиастического общества «Зеленая лампа», совмещав-

²⁸ «Стихи Пушкина “К друзьям” просто дрянь» (письмо Н. М. Языкова к П. М. Языкову из Дерпта от 20 сентября 1828 года // Языковский архив. Вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822 – 1829). СПб., 1913. С. 371.

²⁹ Письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю от 15/3 июля 1847 года. С. 506.

шего в своей деятельности эротизм с политическим и религиозным вольномыслием. Эти черты отразились во многих стихотворениях Пушкина этого периода – проявлениях пушкинского либертинажа, который доминировал в творчестве и житнетворчестве поэта, пока на смену ему не пришел профетизм. Пиком пушкинского либертинажа стал именно 1819 год.

Письмо Белинского к Гоголю указывает на ощущаемый критиком контраст между либертинажной составляющей пушкинского творчества и его профетизмом. При этом хорошо видно, что с профетизмом Белинский ассоциировал представления о верноподданничестве Пушкина, а с либертинажем – политическое и религиозное вольномыслие поэта. Выражение этого контраста в подцензурных произведениях николаевской эпохи было немислимо. В опубликованной (и, следовательно, прошедшей цензуру) пятой статье о Пушкине Белинский пишет о стихотворениях «Стансы» и «Друзьям» совсем иначе, чем в неподцензурном письме Гоголю. В статье о «Стансах» говорится так:

Эта пьеса драгоценна русскому сердцу в двух отношениях: в ней, словно изваянный, является колоссальный образ Петра; в связи с ним находим в ней поэтическое пророчество, так чудно и вполне сбывшееся, о блаженстве наших дней³⁰.

О «Пророке» в этой же публикации говорится как о произведении, представляющем «красоты восточной поэзии другого характера и высшего рода», и указывается на то, что он принадлежит «к величайшим произведениям пушкинского гения-протейя»³¹. Понятно, что «восточной поэзией другого характера и высшего рода» Белинский называет библейскую поэзию.

Анненков, работая над «Материалами к биографии Пушкина» в последние годы николаевского царствования, хорошо понимал, что в подцензурной биографии Пушкина профетическая тема могла бы иметь только одно воплощение – гоголевское. Критическое отношение к пушкинскому профетизму было невозможно: оно могло навести чиновного читателя на мысль о письме Белинского, а это на момент завершения книги Анненкова оставалось опасным. Совсем немного времени прошло с тех пор, как Достоевский за публичное чтение этого письма пошел на каторгу. Анненков имел это в виду, работая над «Материалами»:

Ф. Достоевский попал на пять лет в арестантские роты за распространение письма Белинского к Гоголю, писанного при мне в Зальцбрунне в 1847 году. Как нравственный участник, не донесший правительству о нем, я мог бы тоже попасть в арестантские роты³².

Он предпочел не касаться темы пушкинского профетизма и не упомянул о стихотворении «Пророк»³³.

II

После смерти Николая I, в новых исторических и цензурных условиях, у Анненкова появилась возможность написать биографию Пушкина без купюр и без страха навлечь на

³⁰ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: [В 13 т.] Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 347 – 348.

³¹ Там же. С. 352.

³² Анненков П. В. Две зимы в провинции и деревне. С. 531 – 532.

³³ Позднее Анненков так описал свои отношения с цензурой в период работы над «Материалами»: «Не трудно указать теперь на многие места его биографического и библиографического труда («Материалов к биографии Пушкина». – И. Н.), где видимо отражается страх за будущность своих исследований, и где бросаются в глаза усилия предупредить и отвратить толкования и заключения подозрительности и напуганного воображения от его выводов и сообщений» (Анненков П. В. Любопытная тяжба // П. В. Анненков и его друзья. С. 397).

себя подозрения в неблагонадежности. В его новую книгу «Пушкин в Александровскую эпоху» (1874) вошло многое из того, о чем он не мог или не желал писать в «Материалах». Это, прежде всего, история отношений Пушкина с императором. Так, в частности, было подробно описано возвращение поэта из Михайловской ссылки. Было показано, что, вопреки официальной биографической легенде о Пушкине, ключевую роль в этом событии сыграл не император, а усилия Пушкина, его друзей и родителей. Историческая встреча поэта с Николаем, которую многие современники воспринимали как поворотный момент в биографии Пушкина, описана суховато и без живописных подробностей, восходящих к рассказам об этой встрече самого Пушкина. Н. Я. Эйдельман насчитал более пятидесяти таких историй³⁴. Анненков свой рассказ строит не на них, а на единственном воспоминании, восходящем к собеседнику Пушкина, императору Николаю в пересказе М. Корфа³⁵. О «личных» отношениях поэта с императором Анненков говорит с большой осторожностью и лаконизмом. Стихотворения «Стансы», «Друзьям» и «Пророк» ни разу не упоминаются на страницах книги Анненкова, и тема пушкинского профетизма прямо не затрагивается, зато цитируется ставшее после этого знаменитым письмо Пушкина из Одессы (1824 год, адресат неизвестен), где он признается в том, что «берет уроки чистого афеизма»³⁶.

В книге подробно рассказывается об участии Пушкина в собраниях «Зеленой лампы». Анненков определяет это дружеское общество как имеющее «оргиаческий характер» и не без сарказма противопоставляет его декабристскому движению:

когда в 1825 г. произошла поверка направлений, усвоенных различными дозволенными и недозволенными обществами, *невинный*, т. е. оргиаческий характер «Зеленой лампы» обнаружился тотчас же и послужил ей оправданием³⁷.

Двойственность поведения Пушкина, сочетавшего общение с «аристократами разгула» (так Анненков определил членов «Зеленой лампы») и глубокий интерес к деятельности «Союза Благоденствия» (1818 – 1821), составляет, на наш взгляд, сильнейшую методологическую сторону второй пушкинской биографии Анненкова³⁸. Противопоставляются профанирующее социальные и религиозные нормы поведение Пушкина в рамках «Зеленой лампы» и сочувствие поэта к этической «пуританской» программе Союза Благоденствия. Разрешения, нейтрализации этой противоречивой двойственности пушкинской личности в рамках своего исследования Анненков не дает, притом что на уровне автоманифестации стремится к этому. В новой книге о Пушкине Анненков формулировал свою творческую задачу иначе, чем в «Материалах». Теперь он видел ее не в противопоставлении двух половин жизни поэта, а в преодолении противоречий в оценках его личности:

Если нам удастся одинаково устранить два противоположных воззрения на Пушкина, существующие донныне в большинстве нашего общества, из которых одно представляет его себе прототипом *демонической* натуры, не признававшей ничего святого на земле, кроме своих личных или авторских интересов, а другое, наоборот, целиком переносит на него самого всю нежность, свежесть и задушевность его лирических произведений,

³⁴ Эйдельман Н. Я. Сентябрь 1826-го // Эйдельман Н. Я. Пушкин. Из биографии и творчества. М., 1987. С. 23.

³⁵ Майков Л. Пушкин в изображении М. А. Корфа // Русская старина. 1899. Август. С. 310.

³⁶ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. С. 184.

³⁷ Там же. С. 57. Примеч. 1.

³⁸ См.: Там же. С. 60 – 62.

считая человека и поэта за одно и то же духовное лицо, – то цель очерка будет вполне достигнута³⁹.

Указывая на неправомочность отождествления Пушкина-«человека» с Пушкиным-«поэтом», Анненков мимоходом задевает «второго пушкиниста» и своего извечного конкурента, П. И. Бартенева, однако главный смысл поставленной им перед самим собой творческой задачи заключался в нейтрализации противоречивого отношения к Пушкину, сложившегося в русском обществе к началу семидесятых годов⁴⁰, – сам Анненков в значительной степени его разделял.

К этому времени споры о том, был ли профетизм Пушкина выражением его личных отношений с императором или, напротив, выражал скорбь общества по поводу поражения декабристов, сменился вопросом о том, а был ли вообще Пушкин «пророком», то есть был ли он достоин того, чтобы выражать национальный дух. В новую эпоху современники не стеснялись в высказывании самых серьезных сомнений в морали Пушкина. Крайним, но далеко не единственным выражением подобной позиции стали воспоминания лицейского однокашника поэта М. А. Корфа, сделавшего блестящую карьеру при Николае I. По мнению бывшего лицеиста, в Пушкине

не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств; он полагал даже какое-то хвастовство в высшем цинизме по этим предметам: злые насмешки, часто в самых отвратительных картинах, над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над всеми связями общественными и семейными... <...>... Пушкин представлял тип самого грязного разврата⁴¹.

Корф не был одинок. Еще более резко о Пушкине отзывался человек из совсем другого, не правительственного лагеря, декабрист И. И. Горбачевский. При этом, если Корф обвинял Пушкина в аморальности потому, что поэт не был верен императору и отвечал на его милости черной неблагодарностью, Горбачевский упрекал Пушкина в сервилизме. Оба сходились в том, что Пушкин не может быть выразителем русского национального духа:

...Он (Пушкин. – *И. Н.*) сам при смерти это подтвердил, сказавши Жуковскому: «Скажи ему (императору Николаю I. – *И. Н.*), если бы не это, я бы был весь его». Что это такое? И это сказал народный поэт, которым именем все аристократы и подлипали так его называют. Прочти со вниманием об их воспитании в лицее; разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы и патриоты? Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, те лишения, тот голод и холод, что мы терпели? А посмотри их нравственную сторону. Мне рассказывали Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют⁴².

Резкость критических оценок Пушкина, распространенных в шестидесятые годы, в конце семидесятых сменилась волной обожания. Общество готовилось к открытию памятника Пушкину в Москве. Деньги на него собирались по подписке, и общий характер тор-

³⁹ Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799 – 1826 гг. СПб., 1874. С. IV.

⁴⁰ Сандомирская В. Б., Городецкий Б. П. 50 – 60-е годы // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. С. 50 – 77.

⁴¹ Корф М. А. Записка о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 104.

⁴² Письмо И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 года. Цит. по: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 148. Здесь отзыв Горбачевского приведен по автографу, находящемуся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки: Ф. 69 (Бестужевых). № 30. Л. 16 – 17.

жеств имел не официальный, а народный и даже, в определенной степени, оппозиционный характер. В этой атмосфере в год открытия памятника Пушкину появляется итоговая книга Анненкова «Общественные идеалы Пушкина» (1880). Цель ее была отвести от Пушкина упреки в аморализме и беспринципности и показать, что у поэта имела собственная система общественных воззрений.

Важный акцент книги состоял в том, что эта система не имела ничего общего с правительственной идеологией:

А. С. Пушкин точно так же имел свою домашнюю, секретную теорию разумного гражданского существования, как и учителя его – Карамзин и Жуковский, но с тою разницей, что последние пользовались возможностью доводить свои теории до сведения официального мира, между тем как Пушкинские теории, которые он обдумывал долгое время, должны были остаться при нем одним...⁴³

Чтобы усилить противостояние между «теорией разумного гражданского существования» Пушкина и официальной идеологией, Анненков постоянно подчеркивает, что между Пушкиным и императором стоял шеф жандармов А. Х. Бенкендорф⁴⁴.

Но, конечно, главный пафос книги Анненкова состоял в утверждении народности общественных идеалов Пушкина, на основании того, «что конечная цель всех его (Пушкина. – *И. Н.*) рассуждений была все-таки забота о народе и о доставлении ему той доли защиты и свободы в труде, каких он сам, по стечению обстоятельств и при известной тогдашней обстановке своей, добыть не мог»⁴⁵. Общественные идеалы Пушкина в изображении Анненкова получали, к тому же, отчетливый почвеннический и даже антизападнический характер:

Он сделался очень чувствителен к выходкам и диффамациям западного либерализма, направленным на *всю* историю России и на общество. Ему казалось, что отыскать нравственные начала, на которых зиждется наше государство, значит – оградить честь русского ума и народного характера, участвовавших в его образовании. И нет сомнения, что большинство тогдашних писателей, на содействие которых Пушкин и рассчитывал, пошли бы охотно за ним⁴⁶.

О профетизме Пушкина Анненков по-прежнему не упоминал, но оценка Пушкина как «пророка» – выразителя народного духа – стала ему очень близка. Об этом свидетельствует реакция Анненкова на речь Достоевского на церемонии открытия памятника Пушкину в Москве (1880). Достоевский прямо назвал Пушкина пророком:

⁴³ Анненков П. В. Общественные идеалы А. С. Пушкина // Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. С. 232 – 233.

⁴⁴ «Генерал Бенкендорф, заведовавший ходом и направлением общественной мысли и никогда особенно не доверявший благонадежности писателей и журналистов, не нашел и теперь достаточных причин для какого-либо изменения цензурных обычаев времени... <...> К этому присоединилось у него закоренелое убеждение, что все, слишком возвышенные цели, поставляемые себе русскими людьми, и все крупные их замыслы, выходящие за черту общего уровня дел и понятий, служат им только удобным способом скрывать тенденциозные намерения весьма сомнительного свойства. Он и не замедлил обнаружить вскоре эту часть своих убеждений самым недвусмысленным образом» (Там же. С. 262).

⁴⁵ Анненков П. В. Общественные идеалы А. С. Пушкина // Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. С. 250.

⁴⁶ Там же. С. 259.

... Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк⁴⁷.

Речь Достоевского произвела настолько сильное впечатление на Анненкова, что он, несмотря на плохие личные взаимоотношения, существовавшие между двумя писателями в это время, подбежал и, как писал сам Достоевский жене, стал «жать мою руку и целовать меня в плечо»⁴⁸. Анненкова не смутило, что Достоевский повторил в своей речи формулу своего давнего оппонента Гоголя –

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет⁴⁹.

Интересно, что тогда же, в год открытия памятника Пушкину в Москве, историк М. И. Семевский отказался печатать антипушкинскую филиппику декабриста И. И. Горбачевского на страницах своего журнала «Русская старина»⁵⁰. При этом тогда же и в том же журнале появились приписываемые Пушкину ужасные вирши, в которых он назывался «пророком России»:

Встань, встань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на выи
К у«бийце»(?) г«нусному»(?) явись (II, 461)⁵¹.

Эти строки были известны Бартеневу со слов Погодина еще в шестидесятые годы, но он не торопился их публиковать, поскольку не считал их пушкинскими. Зато в 1880 году, в контексте пушкинских торжеств, они были опубликованы дважды: со слов С. А. Соболевского⁵² и со слов А. В. Веневитинова⁵³.

⁴⁷ Достоевский Ф. М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / [Редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) и др.]; АН СССР; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)]. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 147.

⁴⁸ Письмо Ф. М. Достоевского к А. Г. Достоевской от 8 июня 1880 года // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л.: Наука, 1988. С. 184.

⁴⁹ Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] ([М.; Л.:] Изд-во АН СССР, [1937 – 1952]). Т. 8. С. 50.

⁵⁰ Об этом см. далее в главе «Либералисты и либертены: случай Пушкина».

⁵¹ Конъектура приведенного четверостишия принадлежит М. А. Цявловскому и отличается от первых двух публикаций.

⁵² Каратыгин П. П. Александр Сергеевич Пушкин // Русская старина. 1880. Январь. С. 133.

⁵³ Пятковский А. П. Пушкин в Кремлевском дворце // Русская старина. 1880. Март. С. 674.

Либералисты и либертены: случай Пушкина

Отзыв о Пушкине декабриста, члена Общества соединенных славян И. И. Горбачевского (1800 – 1869) – пожалуй, самая резкая и почти табуированная в пушкиноведении оценка личности поэта. Содержавшийся в письме Горбачевского другому декабристу, М. А. Бестужеву (1800 – 1871), отзыв о Пушкине настолько смутил пушкиниста М. И. Семевского, что он исключил его из первой публикации письма, мотивируя свой неординарный для профессионального историка поступок тем, что оценки Горбачевского не могут быть напечатаны как «крайне резкие о личном характере великого поэта и голословные»⁵⁴.

В научный оборот отзыв Горбачевского был введен незадолго до революции 1917 года, когда авторитет Пушкина стал уступать пиетету перед декабристами как зачинателями русского революционного движения. Публикатор отзыва П. Е. Щеголев был не только замечательным пушкинистом и историком, но и профессиональным революционером. Поэтому в полном виде письмо Горбачевского впервые увидело свет на страницах революционной (меньшевистской) газеты «День»⁵⁵ и лишь затем появилось в отдельном издании записок и писем Горбачевского⁵⁶. Характерно, что произошло это в столетнюю годовщину восстания декабристов, в 1925 году. Впрочем, уже в 1963 году, в следующем, академическом, то есть претендующем на полноту, издании записок и писем Горбачевского, отзыв был опубликован с купюрой. Приведем его полностью:

Я не могу забыть той брошюры, которую я у тебя читал, сочинения нашего Ив<ана> Ив<ановича> Пушина о своем воспитании лицейском и о своем Пушкине, о котором он много написал. Бедный Пушин, он того не знает, что нам от Верховной Думы было даже запрещено знакомиться с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, когда он жил на юге. И почему было прямо сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного общества. И теперь я в этом совершенно убежден, – он сам при смерти это подтвердил, Жуковскому: «Скажи ему (императору Николаю I. – *И. Н.*), что если бы не это, я был бы весь его». Что это такое? И это сказал Народный поэт, которым именем все аристократы и подлипали так его называют. Прочти со вниманием об их воспитании в Лицее; разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы и патриоты? Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, те лишения, тот голод и холод, что мы терпели? А посмотри их нравственную сторону. Мне рассказывали Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что и теперь уши краснеют⁵⁷.

Отзыв был сделан 12 июня 1861 года по прочтении Горбачевским «Записок о Пушкине», написанных лицейским другом поэта, декабристом, членом Северного общества И. И. Пушиным (1798 – 1859).

⁵⁴ Семевский М. И. Александр Сергеевич Пушкин. 1799 – 1837 / Под ред. П. А. Ефремова // РС. 1880. № 1. С. 136.

⁵⁵ День. 1913. № 6 – 10.

⁵⁶ Горбачевский И. И. Записки и письма. М., 1925. С. 359 – 360.

⁵⁷ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 147 – 148. Здесь отзыв Горбачевского приведен по автографу, находящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Советские публикаторы Горбачевского П. Е. Щеголев⁵⁸ и Б. Е. Сыроечковский⁵⁹ поспешили объяснить резкость оценок и шокирующий характер приведенных фактов ошибками памяти декабриста. Основанным на ошибке памяти они считали прежде всего утверждение Горбачевского о том, что в Южном обществе существовал запрет на знакомство с Пушкиным. Исследователи полагали, что в сентябре 1825 года, когда происходило общение Горбачевского с М. П. Бестужевым-Рюминым и С. И. Муравьевым-Апостолом (а именно они осуществляли связь между Верховной думой Южного общества и Обществом соединенных славян), в подобном запрете не было необходимости, потому что Пушкин уже покинул юг России и находился в Михайловской ссылке. Но, конечно, одного этого соображения недостаточно, чтобы опровергнуть утверждение Горбачевского и доказать ошибку его памяти. Дело в том, что в сентябре 1825 года пребывание Пушкина в Михайловской ссылке не могло выглядеть как неодолимое препятствие для контактов между ним и кем-либо из «южан». Тогда еще никто не мог предположить, что в декабре того же года случится восстание и после него встреча поэта с декабристами действительно станет невозможной. Следовательно, если Верховная дума Южного общества в самом деле имела целью пресечь контакты Пушкина со своими членами, в сентябре 1825 года этот запрет еще мог существовать, даже если он был сделан раньше, когда Пушкин находился на юге.

Интересный анализ отзыва Горбачевского принадлежит современному исследователю декабризма В. С. Парсамову⁶⁰. Парсамов считает, что резкость отзыва Горбачевского отражает исключительно его индивидуальную (а не определенной части декабристского сообщества) позицию – позицию человека скорее разночинного, чем дворянского, происхождения и мировоззрения.

Пушкин для Горбачевского, – развивает свою мысль исследователь, – воплощает дворянскую верноподданническую культуру и дворянское поведение. Недоверие к дворянству у Горбачевского, – считает Парсамов, – с годами не только не проходило, но все больше нарастало и достигло своего апогея в годы крестьянской реформы, которую он оценивал с революционно-демократических позиций⁶¹.

Таким образом, – утверждает Парсамов, – оценка Горбачевского отражает реалии не столько 1825 года (когда декабрист недолго, но бурно общался с М. П. Бестужевым-Рюминым и С. И. Муравьевым-Апостолом. – *И. Н.*), сколько идеологическую ситуацию начала шестидесятых годов⁶².

С Парсамовым можно согласиться, по крайней мере, в том, что Горбачевский представлял самый левый, наиболее демократический фланг декабристского движения. Резкость оценок действительно выделяет его среди других декабристов. Интересно, что при этом близко знавший его современник, революционер-шестидесятник, друг Н. Г. Чернышевского, В. А. Обручев не подтверждал демократических установок Горбачевского. В 1862 году Обручев жил на поселении в Петровском Заводе, где декабристы проходили каторгу и где после освобождения остался жить Горбачевский. В своих воспоминаниях об этом годе Обручев писал:

Ивану Ивановичу было в то время шестьдесят три года. Он был широкий мужчина, несколько выше среднего роста, с крупной, мало

⁵⁸ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931. С. 293 – 296.

⁵⁹ См.: Горбачевский И. И. Записки. Письма. М.; Л., 1963. С. 337.

⁶⁰ См.: Парсамов В. С. А. С. Пушкин в оценке декабриста И. И. Горбачевского (из комментариев к письму И. И. Горбачевского М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 года) // Издания кафедры Истории России Ист. ф-та СГУ. Вып. 17. 1998.

⁶¹ Там же. С. 272.

⁶² <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?article/parsamov>.

поседевшей головой, причесанной или растрепанной на манер генералов александровских дней, но при пушистых усах и бакенбардах. По внешности он был бы на своем месте только в обстановке корпусного командира. И говор у него был важных старцев, барский, густой, чисто русский, без малейшего следа хохлацкого происхождения или сибирского навыка. Такой же барский, всегда благосклонный, был у него и взгляд. Во всем он был барин⁶³.

В чем невозможно согласиться с Парсамовым, так это в том, что утверждение Горбачевского о запрете Верховной думы знакомиться с Пушкиным определено реалиями шестидесятых годов. Потому что, если это не ошибка памяти и не факт из истории декабризма, а обстоятельство, обусловленное идейными соображениями, характерными для начала 1860-х годов, то иначе как клеветой его назвать нельзя. Между тем знавшие Горбачевского современники и исследователи сходятся в том, что на клевету он не был способен. Более того, среди декабристов Горбачевский имел репутацию строгого мемуариста, которому можно доверять. Его «Записки» до сих пор являются наиболее точным и подробным свидетельством об Обществе Соединенных Славян и о восстании Черниговского полка. Следовательно, нет оснований не доверять утверждению Горбачевского о существовании (в той или иной форме) запрета, о котором он упоминает.

Н. Я. Эйдельман⁶⁴ был первым среди советских историков, кто признал утверждение Горбачевского о существовании запрета на знакомство с Пушкиным для членов Южного общества истинным. При этом Эйдельман объяснял распоряжение Верховной думы случайным обстоятельством, а именно клеветническими сведениями о Пушкине, дошедшими до М. П. Бестужева-Рюмина и С. И. Муравьева-Апостола через одесского знакомого поэта, Александра Николаевича Раевского⁶⁵. В качестве аргумента, указывающего на то, что Александр Раевский клеветал на поэта, ученый приводит стихотворение Пушкина «Коварность» (1824), где, как считает Эйдельман, строки «...сам презренной клеветы / ...невидимым был эхом» указывают на Раевского.

О сложной роли Александра Раевского в одесский период жизни Пушкина писали давно. Эйдельман был не первым, кто полагал, что в стихотворении «Коварность» Пушкин имел в виду А. Раевского. Автор этой гипотезы – Т. Г. Цявловская⁶⁶, и самое мягкое, что про эту гипотезу можно сказать, – это то, что она не стала общепринятой. Так, строя гипотезу на гипотезе, Эйдельман изменяет своей обычной исследовательской объективности единственно для того, чтобы объяснить запрет членам Южного общества знакомиться с Пушкиным случайными обстоятельствами. Исследователь был всего в одном шаге от того, чтобы дать отзыву Горбачевского глубокое историческое объяснение. Но шаг этот не был сделан, потому что Эйдельман избегал резкого противопоставления Пушкина декабристам. С его точки зрения, Пушкин и декабристы относились к одному идеологическому лагерю – и разногласия между ними, если и были, имели не принципиальный характер и основывались на стечениях обстоятельств.

Значительно более сложно, чем Эйдельман, оценивал отношение декабристов к Пушкину Ю. М. Лотман:

⁶³ Обручев В. А. Из пережитого (отрывок) // *Горбачевский И. И. Записки. Письма*. М., 1963. С. 245.

⁶⁴ Эйдельман Н. Я. «Я не могу забыть...» (Декабрист Горбачевский о Пушкине) // *Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы*. М., 1979. С. 143 – 168.

⁶⁵ Эйдельман Н. Я. «Я не могу забыть...» (Декабрист Горбачевский о Пушкине) // *Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы*. М., 1979. С. 158.

⁶⁶ См.: Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // *Прометей*. Кн. 10. М., 1974. С. 46.

Непонимание особенности пушкинской позиции рождало в конспиративных кругах представление о том, что он еще «незрел» и не заслуживает доверия. И если люди, лично знавшие Пушкина и любившие его, смягчали этот приговор утешающими рассуждениями о том, что будучи вне тайного общества Пушкин способствует своими стихами делу свободы (Пушин), или ссылкой на необходимость оберегать его талант от опасностей, связанных с непосредственной революционной борьбой (Рылеев-то себя не берег!), то до людей декабристской периферии, лично с Пушкиным не знакомых и питающихся слухами из третьих рук, доходили толки такого рода: *«Он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного общества»*. Эти слова вопиющей несправедливости сказал И. И. Горбачевский – декабрист редкой стойкости, честный и мужественный человек. При этом он сослался на такие святые для декабристов авторитеты, как мнение повешенных С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина. Михаил Бестужев, чьи пометки покрывают рукопись, вполне с этим согласился⁶⁷.

Вместе с тем, как видно из приведенной цитаты, и Лотман считал отзыв Горбачевского опосредованным «слухами из третьих рук», полученными от людей, «лично с Пушкиным не знакомых». Между тем совершенно очевидно, что одних слухов о «дурном поведении» недостаточно, чтобы сделать шокировавший всех вывод о том, что Пушкин «по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного общества».

В самом деле, поведение Пушкина в Одессе, как, впрочем, до того в Петербурге и Кишиневе, имело настолько скандальный характер, что у декабристов с их установкой на строгие моральные нормы не было никакой необходимости прибегать к поиску дополнительных обстоятельств, которые могли бы привести к запрету на знакомство с поэтом.

Приведем одну забавную и необязательную, но очень показательную параллель: родители семнадцатилетнего графа М. Д. Бутурлина, узнав, что он подружился с Пушкиным, запретили мальчику всякое общение с поэтом⁶⁸. Никаких инсинуаций для этого не потребовалось, хватило той репутации, которую поэт к этому времени приобрел.

Следует отметить, что имелось важное обстоятельство, которое могло отрицательно сказаться на репутации Пушкина: формальным поводом для его ссылки было обвинение в атеизме. Поэтому поэт был сослан в Михайловское под духовный (церковный) надзор⁶⁹. Хотя не вполне ясно, когда именно широкая публика узнала об этом обвинении (скорее всего, это произошло уже после отъезда поэта из Одессы), совершенно очевидно, что атеизм портил репутацию Пушкина в глазах декабристов ничуть не меньше, чем в глазах других его современников.

Таким образом, имеются веские основания предположить, что запрет на знакомство с Пушкиным, действовавший для членов Южного общества, вызван не случайными обстоятельствами (или «особыми» инсинуациями), а стал следствием «социальной репутации» Пушкина, сложившейся к тому времени.

⁶⁷ Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. СПб., 1995. С. 53.

⁶⁸ Бутурлин М. Д. Записки // Русский архив. 1897. № 5. С. 15.

⁶⁹ Об этом см.: Семецкий М. И. К биографии Пушкина: Выдержки из записной книжки // Семецкий М. И. Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине. СПб., 2008. С. 171 – 228. О том, что Пушкин, возможно, был под епитимьей, см.: Бартенев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 298; Березкина С. В. Пушкин в Михайловском: О духовном надзоре над поэтом (1824 – 1826) // Русская литература. 2000. № 1. С. 3 – 20.

Понятие «социальной репутации», введенное в научный оборот В. Э. Вацуро, имеет чрезвычайно важное значение для нашего исследования и стоит того, чтобы привести его определение целиком:

Во все времена историческому лицу сопутствует социальная репутация. Рядом с подлинным человеком живет, как отделившаяся от него тень, его облик, созданный современниками, представление о его личности и о его общественной роли. Если оно резко расходится с объективным смыслом его деятельности, потомкам приходится восстанавливать историческую справедливость. Социальная репутация Пушкина создавалась разными людьми и из разных побуждений – по добросовестному заблуждению, и намеренно, потому что начиная с 1826 года он попадает в сферу политической и литературной борьбы⁷⁰.

Продолжая сравнение Вацуро социальной репутации поэта с «отделившейся от него тенью», замечу, что, сколь ни самостоятельна была эта репутация, она, как настоящая тень, в значительной степени отражала реальные качества личности Пушкина и особенности его творчества. Собственно, отзыв Горбачевского именно потому и вызвал у пушкинистов неприятие, граничащее с полным отторжением, что резко и однозначно связал запрет знакомиться с Пушкиным с неблагоприятным поведением поэта. Можно было бы считать эту оценку частным мнением не слишком культурного человека, если бы не пришедшее к нам за последние десятилетия понимание того, что отзыв действительно отражает «социальную репутацию» Пушкина.

Цель этой главы – реконструировать, что именно из того, что декабристы обсуждали между собой, не вынося свои суждения на суд широкой публики, вобрал в себя отзыв Горбачевского.

I

Среди тех, с кем Горбачевский общался в годы каторги и ссылки, лично с поэтом были знакомы довольно многие, но, пожалуй, мнение четырех из них – С. Г. Волконского, И. Д. Якушкина, В. Л. Давыдова и И. И. Пущина – могло в наибольшей степени повлиять на его представления о Пушкине.

Во-первых, все четверо знали Пушкина близко, а Пущин, как известно, был близким другом поэта. Во-вторых, все вышеперечисленные декабристы, как и сам Горбачевский, были осуждены по первому разряду – смертная казнь, замененная двадцатилетней каторгой, и все они к 1830 году собрались в Петровском Заводе. В тесном общении с ними Горбачевский провел годы и сохранил дружеские отношения после освобождения. Наконец, «публичная» история общения с Пушкиным каждого из четверых включает сюжет о том, как Пушкин едва не был принят в тайное общество, но в последний момент этого избежал.

С. Г. Волконский – единственный из четверых, прямо назвавший причину, по которой он не принял Пушкина в тайное общество. В изложении его сына Михаила Сергеевича Волконского это звучит следующим образом:

Не знаю, говорил ли я Вам, что моему отцу было поручено принять его в Общество и что отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это, – говорил он мне не раз, – когда ему могла угрожать плаха, а теперь что его убили, я жалею об этом. Он был бы жив, и в Сибири его поэзия стала бы на

⁷⁰ Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 13.

новый путь». И действительно, представьте себе Пушкина в рудниках, Чите, на Петровском заводе и на поселении – что бы он создал там⁷¹.

Время общения Пушкина с С. Г. Волконским делится на два относительно коротких периода: первый – с мая 1820 года по февраль 1821 года, второй – первая половина июня 1824 года. Если Волконский имел в виду принять Пушкина в тайное общество, то более вероятно, что это намерение относится не к первому периоду их знакомства, а ко второму. В 1820 году Волконский сам был свежееиспеченным членом Союза Благоденствия, а к 1823 году стал одним из начальствующих действующих лиц Южного общества, руководителем его Каменецкой управы, и, следовательно, мог иметь необходимые полномочия. Кроме того, упомянутая в письме М. С. Волконского «плаха» не подразумевала участие в полуоткрытом Союзе Благоденствия, другое дело – Южное общество: никто из его членов не остался без наказания.

Именно ко второму периоду знакомства Пушкина с Волконским относится единственное дошедшее до нас письмо декабриста поэту. Написанное вскоре после высылки Пушкина из Одессы, оно содержит не только дежурное по этому поводу сожаление, но и неформальное выражение приязни, что, по-видимому, должно было иметь особенное значение в контексте скандальных событий вокруг высылки. Волконский прямо упоминает о «сплетнях, кои московские вертушки вам настряпали», тем самым отводя от Раевского подозрения в их авторстве, и далее так характеризует своего будущего родственника (в том же 1824 году Волконский женился на родной сестре А. Раевского Марии):

Неправильно вы сказали о Мельмоте, что он в природе *ничего не благословлял*, прежде я был с вами согласен, но по опыту знаю, что он имеет чувство дружбы – благородными и не изменными обстоятельствами⁷².

«Мельмотом», по имени героя романа Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец», называли А. Раевского в узком кругу «демонически» настроенных одесских приятелей Пушкина. К этому кругу принадлежала тогдашняя возлюбленная Пушкина Каролина Собаньская, бывшая в то же время любовницей и политическим агентом генерала И. О. Витта⁷³. Последний занимал пост начальника военных поселений и, как об этом говорилось в официальных документах следствия по делу декабристов, «узнав о существовании общества и по соизволению покойного государя императора, изъявил желание свое вступить в члены, в намерении открыть чрез то подробности заговора»⁷⁴. Волконский присоединился к кружку Пушкина – Раевского, чтобы присмотреться к Витту, и, как свидетельствуют документы, «советовал отклонить предложение графа Витта о вступлении в общество»⁷⁵.

Вместе с письмом Волконского Пушкин получил письмо от Александра Раевского. Последнее производит впечатление написанного не столько для Пушкина, сколько для возможных перлюстраторов письма:

Вы пишете, что боитесь скомпрометировать меня перепиской с Вами. Такое опасение ребячливо во многих отношениях, а к тому же бывают обстоятельства, когда не приходится считаться с подобными соображениями. Да и что может быть компрометирующего в нашей переписке? Я никогда не вел с Вами разговоров о политике; Вы знаете, что я не слишком высокого мнения о политике поэтов, а если и есть нечто, в чем

⁷¹ Цит. по: Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах // Литературное наследство. 1952. Т. 58. С. 163.

⁷² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.; Л., 1937. (Далее – ПСС.) Т. 13. С. 112.

⁷³ См.: Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. СПб., 1995. С. 90 – 91.

⁷⁴ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 252.

⁷⁵ Там же. С. 240.

я могу вас упрекнуть, так это лишь в недостаточном уважении к религии – хорошенько запомните это, ибо не впервые я об этом Вам говорю⁷⁶.

Письмо Раевского указывает на то, что он знал: Пушкин был выслан по обвинению в атеизме и переписка поэта перлюстрируется. Очень вероятно, что Пушкин не поверил в искреннее желание своего друга объясниться именно с ним и посчитал приведенные выше строки адресованными перлюстраторам (и поэтому весьма напоминающими донос). Во всяком случае, именно в тот день, когда к нему пришли письма Волконского и Раевского, 18 октября 1824 года, им и было написано стихотворение «Коварность».

Письмо Волконского включает в себя эстетические советы Пушкину:

Соседство и воспоминания о Великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова будут для Вас предметом пиитических занятий – а соотечественникам Вашим труд Ваш памятником славы предков – и современника.

Советы Волконского отражают коллективное представление декабристов о том, в каком направлении «должно» было развиваться творчество Пушкина, довольно точно предваряя «установки», которые очень скоро, в начале января 1825 года, Пушкин получит от К. Ф. Рылеева («Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения – и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы»⁷⁷). Но конечно, само по себе это не может служить даже косвенным свидетельством намерения Волконского принять Пушкина в члены Южного общества. А вот о том, что, по мнению Волконского, творчество Пушкина стояло не на «том», на котором надобно, «пути», пожалуй, свидетельствует.

Воспоминания декабристов и, главное, документы следствия не подтверждают намерения Волконского (а тем более данного ему кем-то поручения) принять Пушкина в Южное общество. Более того, в итоговом документе следствия, «Алфавите декабристов», специально отмечалось: «несмотря на то, что был начальником Каменецкой управы, не действовал ни на привлечение к обществу, ни на приготовление подчиненных своих к цели оною. В ответах был чистосердечен»⁷⁸.

«Поздний» Вяземский не верил в то, что декабристы не приняли Пушкина в тайное общество, опасаясь за его талант, и прямо писал об этом:

Многие из них (декабристов. – *И. Н.*) были приятелями его, но они не находили в нем готового соумышленника, и, к счастью его самого и России, они оставили его в покое, оставили в стороне. Этому соображению и расчету их можно скорее приписать спасение Пушкина от крушений 25-го года, нежели желание, как многие думают, сберечь дарование его и будущую литературную славу России. Рылеев и Александр Бестужев, вероятно, признавали себя такими же вкладчиками в сокровищницу будущей русской литературы, как и Пушкин, но это не помешало им самонадеянно поставить всю эту литературу на одну карту, на карту политического быть или не быть⁷⁹.

⁷⁶ Пушкин А. С. ПСС. Т. 13. С. 529.

⁷⁷ ПСС. Т. 13. С. 133.

⁷⁸ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 240.

⁷⁹ Вяземский П. А. Приписка к статье «Цыганы. Поэма Пушкина» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 119.

II

Период тесного общения Пушкина с И. Д. Якушкиным приходится на ноябрь 1820 года, когда поэт некоторое время жил в имении братьев Давыдовых – Каменке. Здесь в ноябре – декабре 1820 года Пушкин оказался в эпицентре дискуссии, которая была продолжена в январе 1821 года на Московском съезде Союза Благоденствия. Вопрос, который обсуждался в Каменке – могло ли Тайное общество быть полезным России, – был центральным и в Москве, где, так же, как и в Каменке, мнения декабристов разделились: некоторые отрицали эту полезность, другие, и среди них Якушкин и Василий Давыдов, считали, что Тайное общество в России необходимо.

Из «Записок» И. Д. Якушкина мы узнаем о знаменитом споре, имевшем место в Каменке, когда

М. Ф. Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение Тайного общества в России... «Александр» Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: «Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало Тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?» – «Напротив, наверное бы присоединился», – отвечал он. «В таком случае давайте руку», – сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: «Разумеется, все это только одна шутка».

Другие также смеялись, кроме А. Л. «Давыдова», «рогоносца величавого», который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное общество или существует, или тут же получит свое начало и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, покрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен⁸⁰.

Этот эпизод – один из самых известных в пушкинской биографии. Его обычно приводят как доказательство близости поэта к декабристам. И в определенной степени это справедливо, потому что спор в Каменке – конечно, не просто мистификация, а начало жарких прений, продолженных его участниками М. Ф. Орловым, И. Д. Якушкиным, К. А. Охотниковым уже в Москве, на последнем съезде Союза Благоденствия, менее чем через месяц после описанных событий. Участие в этой дискуссии Пушкина – важный показатель того, что Пушкин подошел к заговору очень близко.

Но это история еще и о том, как Пушкин, подойдя к заговору, все-таки не был в него вовлечен. Якушкин не дает прямого объяснения этому обстоятельству, а «заставляет» самого Пушкина его объяснить, вкладывая в уста поэта слова, которых он, скорее всего, никогда не произносил:

⁸⁰ Якушкин И. Д. Из «Записок» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 356.

В 27-м году, когда он пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу Никите, он сказал ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести»⁸¹.

Впрочем, вспоминая о своей встрече с Пушкиным в 1820 году, Якушкин обмолвился:

Иногда он корчил лихача, вероятно, вспоминая Каверина и других своих приятелей-гусаров в Царском Селе; при этом он рассказывал про себя самые отчаянные анекдоты, и все вместе выходило как-то очень пошло⁸².

Указание на «других приятелей» Пушкина, которые представляли поведенческие нормы, чуждые Якушкину, объясняет то, почему в отношениях с Пушкиным Якушкин не решился перейти границу, отделявшую поэта от Тайного общества. Нельзя не отметить того, что особое неодобрение высоко нравственного Якушкина заслужил флирт Пушкина с двенадцатилетней дочерью А. Л. Давыдова. К этому можно добавить, что в Каменке разворачивался у всех на глазах его роман с женой А. Л. Давыдова Аглаей.

III

Глубже и драматичнее, чем с Якушкиным, складывались взаимоотношения Пушкина с В. Л. Давыдовым. Последний был среди тех, кто не признал решения Московского съезда Союза Благоденствия о роспуске организации и принял самое деятельное участие в создании нового тайного общества. Пушкин сопровождал Давыдова в его поездках в Тульчин и Киев. Именно там в дискуссиях, подобных той, которую описал Якушкин, рождалось Южное общество.

Прямых свидетельств того, что Василий Давыдов собирался принять Пушкина в Тайное общество, а затем передумал, нет, но никогда Пушкин не подходил к заговору так близко, как в январе – марте 1821 года.

Неожиданно и безо всяких видимых причин общение поэта и декабриста пресеклось. Произошло это сразу после Пасхи 1821 года, пришедшейся на март. Можно предположить, что инициатором разрыва выступил Давыдов. Такое заключение подтверждается записью Горбачевского на полях его письма М. А. Бестужеву: «Его (Пушкина. – *И. Н.*) прогнал от себя Давыдов»⁸³. Наиболее вероятной причиной разрыва нам представляется стихотворное послание поэта Давыдову ««Меж тем как генерал Орлов...»», написанное сразу после Пасхальной недели 1821 года. Мы посвятили анализу этого стихотворения отдельную главу, здесь же необходимо отметить, что стихотворение сочетало политический либерализм с религиозным вольномыслием вызывающе кощунственного характера⁸⁴. Послание, выдержанное в духе французского предреволюционного либертинажа, как и кощунственные поступки Пушкина в этом же духе на Пасху 1821 года, вряд ли пришлись по вкусу В. Л. Давыдову, которого современники характеризуют как человека, настроенного патриотически и даже простонародно⁸⁵.

Как человек, он мне не понравился, – свидетельствовал декабрист Н. В. Басаргин, познакомившийся с Пушкиным в это время. – Какое-то бретерство, самодовольство и желание осмеять, уколоть других. Тогда же

⁸¹ Якушкин И. Д. Из «Записок» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 358.

⁸² Там же. С. 357.

⁸³ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 148.

⁸⁴ См.: Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 45 – 73.

⁸⁵ См.: Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 231.

многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли⁸⁶.

IV

Отзыв Горбачевского о Пушкине, как уже указывалось выше, был полемической реакцией на «Записки» Пущина. В целом доброжелательные по отношению к Пушкину, они содержат несколько весьма критических оценок его поведения, например:

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «Что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия и пр.». Он терпеливо выслушает, начнет щекотать, обнимать, что обыкновенно делал, когда немножко потеряется. Потом, смотришь, – Пушкин опять с тогдашними львами! (Анахронизм: тогда не существовало еще этого аристократического прозвища. Извините!)⁸⁷

Отзыв Пущина звучит особенно сурово еще и потому, что общество, в которое он помещает своего друга, отмечено «специальным» отношением к декабристам и декабристов к ним. Так, упомянутый Орлов (Алексей Федорович Орлов, 1786 – 1861) активно участвовал в подавлении восстания декабристов, с 1844 года был шефом корпуса жандармов и начальником Третьего отделения. Чернышев (Александр Иванович Чернышев, 1785 – 1859) – член Верховного уголовного суда по делу декабристов. Предлагаемые им приговоры отличались особой жестокостью; с 1832 года – военный министр. Киселев (Павел Дмитриевич Киселев, 1788 – 1872) – человек значительно более сложной репутации. Он дружил со многими декабристами, и вместе с тем именно он инициировал слежку за декабристами во Второй армии, которую фактически возглавлял. В николаевскую эпоху он возглавил Министерство государственных имуществ. Сосланные декабристы, ставшие после лишения дворянства «государственными крестьянами», находились в его ведении.

То, что Пущин помещает Пушкина в такую сомнительную компанию, свидетельствует о том, что он судит его ничуть не менее сурово, чем Горбачевский. При этом Пущин не ограничивается одним примером того, как Пушкин «изменял благородному своему характеру», а упоминает по крайней мере еще один:

...Вскоре случилось мне встретить Сергея Львовича на Невском проспекте.

«Как вы, Сергей Львович? Что наш Александр?»

«Вы когда его видели?»

«Несколько дней тому назад у Тургенева».

Я заметил, что Сергей Львович что-то мрачен.

– Je n'ai rien de mieux à faire que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils. Видно, вы не знаете последнюю его проказу.

⁸⁶ Басаргин Н. В. Записки. Пг., 1917. С. 24.

⁸⁷ Пущин И. И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 86.

Тут рассказал мне что-то, право, не помню, что именно, да и припоминать не хочется.

«Забудьте этот вздор, почтенный Сергей Львович! Вы знаете, что Александру многое можно простить, он окупает свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которых нельзя не любить».

Отец пожал мне руку и продолжал свой путь. Я задумался, и, признаюсь, эта встреча, совершенно случайная, произвела свое впечатление: мысль о принятии Пушкина (в Тайное общество. – *И. Н.*) исчезла из моей головы⁸⁸.

Характерно, что Пущин, как Якушкин и Горбачевский, прямо не говорит о том, что в поведении Пушкина было столь вызывающе аморально. Горбачевский ссылается на рассказы «старших товарищей» («Мне рассказывали Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что и теперь уши краснеют»). Пущин в своих «Записках» высказывается ничуть не более ясно. Пытаясь понять, что же все-таки так сильно потрясло ко многому привычного отца поэта и о чем умолчал в своих записках Пущин, можно утверждать, что имелись в виду не любовные приключения Пушкина. О последних Пущин вспоминает безо всякого порицания, скорее даже с удовольствием:

Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдет он ко мне. Вместо: «Здравствуй», я его спрашиваю: «От нее ко мне или от меня к ней?» Уж и это надо вам объяснить, если пустился болтать.

В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика – прелесть полька!

На прочее завеса!⁸⁹

При этом «Записки» Пущина все же дают ключ к пониманию того, что именно Пущин считал особенно предосудительным в поведении своего друга. Ключ этот содержится в следующем признании:

Не заключайте, пожалуйста, из этого ворчанья, чтобы я когда-нибудь был спартанцем, каким-нибудь Катонем; далеко от всего этого: всегда шалил, дурил и кутил с добрым товарищем. Пушкин сам увековечил это стихами ко мне, но при всей моей готовности к разгулу с ним, хотелось, чтобы он не переступал некоторых границ и не профанировал себя, если можно так выразиться, сближением с людьми, которые, по их положению в свете, могли волею и неволею набрасывать на него некоторого рода тень⁹⁰.

Итак, не просто разгул, а какой-то особенный, профанирующий разгул, определенный общением Пушкина с некими сомнительными людьми, порицает Пущин. «Записки» Пущина позволяют довольно точно установить, когда и с кем Пушкин совершил нечто такое, что так расстроило его отца и что, между прочим, послужило препятствием для принятия Пушкина в Тайное общество:

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собирались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала⁹¹.

⁸⁸ Там же. С. 88.

⁸⁹ Пущин И. И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 86.

⁹⁰ Там же. С. 88.

⁹¹ Там же. С. 87.

Мы можем определенно датировать время этой встречи маем 1819 года. Именно тогда случилось что-то, что так огорчило Сергея Львовича; можно предположить, что это произошло в компании тех, с кем, по мнению Пущина, поэт «переступал границы» и «профанировал себя»⁹².

Выше мы уже приводили мнение Пущина о том, что Пушкин унижал себя, стремясь к общению с людьми, стоявшими выше его по социальному положению, – А. Ф. Орловым, А. И. Чернышевым и П. Д. Киселевым, но, конечно, это были не те, кто отбрасывал на поэта «некоторого рода тень».

Кто же были «те»?

С марта 1819 года начинается деятельное участие Пушкина в заседаниях Дружеского общества «Зеленая лампа». И здесь стоит отметить, что первые биографы Пушкина Анненков и Бартенев считали «Зеленую лампу» «оргиическим» обществом безоговорочно⁹³.

Щеголев столь же безоговорочно объявил «Зеленую лампу» филиалом Союза Благоденствия на том основании, что некоторые его члены принимали участие в заседаниях и застольях общества⁹⁴. Б. В. Томашевский, соглашаясь с Щеголевым в главном – в том, что «Зеленая лампа» являлась филиалом Союза Благоденствия, – дополняет его позицию:

Все слухи о веселом характере собраний у Всеволожского имеют своим происхождением то, что смешивали заседания «Зеленой лампы» с веселыми вечеринками в доме Всеволожского, на которых действительно хозяин не жалел шампанского. Именно о подобных вечерах, а не о «Зеленой лампе» вспоминал Пушкин в письме Всеволожскому 1824 года, где он называл себя верным *субботам* (курсив Томашевского. – *И. Н.*) Всеволожского. Именно к субботам Всеволожского и относятся все слухи об оргиях, слухи, вероятно, сильно преувеличенные. Но мы уже видели, что ни одно из заседаний «Зеленой лампы» не приходилось на субботу. Это и понятно: по субботам не было спектаклей⁹⁵.

С Томашевским можно согласиться лишь отчасти, принимая во внимание, что круг лиц, присутствовавших на чинных собраниях «Зеленой лампы» по будним дням, в значительной степени совпадал с кругом участников «оргиических» суббот. Выявить имена тех и других несложно, поскольку дошедший до нас архив «Зеленой лампы» содержит имена тех, кто приходил в дом Всеволожского по будним дням, тогда как переписка Пушкина и его поэтические послания называют тех, кто веселился там по субботам.

Итак, на основании архива «Зеленой лампы» видно, что членами общества были С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка, Я. Н. Толстой, А. А. Токарев, А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, Н. И. Гнедич, А. Д. Улыбышев, Д. Н. Барков, Д. И. Долгоруков, А. Г. Родзянко, Ф. Ф. Юрьев, И. Е. Жадовский, П. Б. Мансуров, Н. Всеволожский. По субботам же в дом Всеволожского приезжали П. Б. Мансуров, Н. И. Кривцов, Ф. Ф. Юрьев, В. В. Энгельгардт, братья Всеволожские, А. Г. Родзянко.

Скорее всего, на веселые субботы приезжали также Дельвиг и Яков Толстой. Не будем забывать о том, что и те и «другие» мероприятия происходили в одном и том же доме – у Никиты Всеволожского. Здесь по будним дням члены общества собирались, чтобы обсуждать театральные обзоры и политические новости, читать друг другу свои произведения, а по субботам приезжали для других занятий, которые сочетали формы традиционного разврата с

⁹² Там же.

⁹³ Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 63.

⁹⁴ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.; Л., 1931.

⁹⁵ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 205.

действиями отчетливо кощунственного характера. Так, например, разыгрывались сцены под названием «Изгнание Адама и Евы из рая», один из членов общества называл себя «гражданин Содома».

Пушкин был активным участником по крайней мере трех официальных заседаний «Зеленой лампы» и значительного числа «оргиаческих». Последние часто происходили в публичных местах, что, естественно, делало их особенно скандальными. На Пасху 1819 года Пушкин и, возможно, Н. Всевожский проникли под видом говения в церковь при Театральной школе, чтобы ухаживать за воспитанницами. Произошло это незадолго до встречи Пушкина и Пущина в доме Николая Тургенева в мае того года, и именно это происшествие, по-видимому, огорчило отца поэта и послужило причиной того, что Иван Пущин раздумал посвящать друга в свои планы относительно тайного общества.

Возможно, что было это на Пасху 1820 года, а отца поэта расстроило какое-то другое происшествие из жизни сына. Однако и в мае 1819 года Пушкин имел устойчивую репутацию либертена, о чем А. И. Тургенев рассуждал в письме к П. А. Вяземскому. Так, пеняя другу за употребление последним сравнения себя с Христом, Тургенев находит, что оно «и безбожно, и хуже этого, и в роде молодого Пушкина»⁹⁶.

Б. В. Томашевскому принадлежит получившая распространение в пушкиноведении точка зрения, что

не только биографические обстоятельства толкали Пушкина на протест: веселое кощунство, которому предавался Пушкин, было не только ответом на принудительное отправление религиозных обрядов. Мистический тон царил в это время в высоких правительственных кругах⁹⁷.

Томашевский называл «веселым кощунством» поэму «Гавриилиада» и именно ее считал реакцией на правительственный мистицизм. Однако поэма писалась в Пасхальную и предпасхальные недели в 1821 году в Кишиневе, тогда как главным местом правительственного мистицизма был Петербург, а временем его наиболее активного насаждения – два последних петербургских года Пушкина, 1818 – 1820-й. Кощунственное поведение поэта в эти годы и было реакцией на правительственный курс по утверждению в России очень специфического набора религиозно-нравственных норм во имя «евангельского государства»⁹⁸. Центром этой большой духовной работы выступал Департамент духовных дел Министерства просвещения во главе с А. И. Тургеневым. Эту же задачу решало Библейское общество, где Тургенев также играл одну из важнейших ролей. Именно поэтому реакция А. И. Тургенева на пушкинское кощунственное поведение была особенно болезненной – он был самым близким Пушкину человеком из старшего поколения и вместе с тем одним из самых активных проводников правительственного курса.

Из отзыва понятно, что Александр Тургенев видел в пушкинском поведении не просто «веселое кощунство», а форму либертенного поведения, поскольку упрекал Пушкина не просто в «безбожии», а в чем-то, что «хуже этого». А хуже безверия – либертинаж, не просто дезавуирующий действующую систему религиозных ценностей, но и предполагающий ей известную альтернативу.

Деятельность по насаждению в обществе морально-этических норм вело не только правительство. Другим нормообразующим центром гражданского поведения в 1818 – 1820 годах был Союз Благоденствия, и направление кодифицирующих усилий правительства и

⁹⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. 2. С. 228.

⁹⁷ *Томашевский Б. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 427 – 428. (См. примеч. 41.)

⁹⁸ См.: *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. С. 108 – 109.

Союза Благоденствия во многом совпадали, различаясь лишь в одном, правда, очень существенном отношении: правительство учреждало в стране религиозное вольномыслие и некоторое равенство христианских конфессий, тогда как декабристы пытались отстаивать приоритет национального начала в гражданской этике и религиозной жизни.

Таким образом, «веселое кощунство» Пушкина воспринималось как враждебное не только правительством, но и декабристами, поскольку либертинаж поэта не особенно отличал насаждаемый правительством мистицизм от морализаторских начинаний членов Союза Благоденствия, и главным образом потому, что этот либертинаж носил определенный анти-масонский оттенок, субботние разгульные встречи «Зеленой лампы» имели в своей основе пародирующий масонские собрания элемент.

Можно утверждать, что в 1818 – 1820 годах в глазах современников эротизм поэзии и кощунственное поведение перевешивали демонстрируемую Пушкиным склонность к политическому свободомыслию. Между тем для самого поэта важны были все три составляющие его творческого мировоззрения, а именно подчеркнутый эротизм, религиозное вольномыслие и политический либерализм. Именно в таком сочетании пушкинское кредо выражено в ряде программных стихотворений 1819 – 1820 годов: «N. N.» (««В. В. Энгельгардту»»), «Веселый пир», «Всеволожскому», «Послание к кн. Горчакову» (все – 1819 год), «Юрьеву» (1820). Все эти произведения, кроме «Послания к кн. Горчакову», адресованы членам «Зеленой лампы». Триединство эротики (культы наслаждения), политического либерализма и религиозного вольномыслия отражено в поэтических формулах, которыми поэт характеризует своих друзей; так, к В. В. Энгельгардту обращены строки: «Свободы, Вакха верный сын, / Венеры набожный поклонник / И наслаждений властелин!»⁹⁹ С ним же Пушкин собирался поговорить «Насчет холопа записного, / Насчет небесного царя, / А иногда насчет земного»¹⁰⁰. Н. Всеволожский назван так: «...счастливый сын пиров, / Балованный дитя Свободы!»¹⁰¹ Перечисленные поэтические формулы – топоры пушкинской поэзии того времени, они не слишком индивидуализированы и могут быть отнесены ко всем веселым и свобододобивым друзьям поэта из «Зеленой лампы».

⁹⁹ Пушкин А. С. ПСС. Т. 2. С. 83.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 101.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.